

An artistic illustration of a woman in a dark coat standing on the balcony of a lighthouse, looking out at a turbulent sea under a dramatic, sunset-colored sky with birds flying in the distance.

Гари Нор

Эмпатия.exe

Последний заказ Светы

Гари Нор
ЭМПАТИЯ.EXE
Последний заказ Светы
Серия «ЭМПАТИЯ.EXE», книга 2

*<https://litres.ru/73965764>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Она умела влюбляться по заказу. Двухнедельный роман, идеальная чистота, стирание памяти — и новый клиент. Так Света жила годами, пока корпорация FutureSense не рухнула — в одну ночь, ставшую для одних катастрофой, а для других освобождением. Теперь её дар некому контролировать, а она сама боится себя: способность влюбиться в кого угодно стала опасной. Единственный выход — спрятаться от людей на старом маяке, где только море и ветер. Но прошлое не стирается до конца, и однажды оно постучится в дверь. История из мира романа «Эмпатия.exe» о том, можно ли научиться чувствовать по-настоящему, если всю жизнь твои чувства были товаром.

Содержание

Глава 1. «Две недели, которых не будет»	4
Глава 2. «Трещина»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Гари Нор

ЭМПАТИЯ.EXE

Последний заказ Светы

Глава 1. «Две недели, которых не будет»

Планшет нагрелся пока куратор держал его в руке и теперь лежал на столе тёплым бруском. Света взяла его за край, как берут чужой телефон, и экран засветился холодным синим оставляя на стекле отпечаток её пальца.

«Эмпат: Светлана. Категория: первая любовь. Длительность: 14 дней. Клиент: Александр, VIP. Особые пометки: недавняя утрата супруги».

В кабинете гудели серверы — низко, монотонно, словно здание дышало через бетонные лёгкие. Запах озона смешался с чем-то химически-стерильным, и Света машинально втянула воздух носом, прогоняя сухость. Она пробежала глазами по строчкам второй раз, уже без интереса — ритуал, не более. Четырнадцать дней. Первая любовь. Вдовец.

— Стирание после закрытия заказа, — сказал куратор, глядя не на неё, а в свой монитор. — Стандартный двухэтап-

ный протокол.

— Я помню.

— Напоминаю.

Света кивнула и вернула планшет. Гонорар она прикинула ещё до того, как открыла файл: VIP-заказы всегда оплачивались щедро, но и вытягивали до дна. Клиенты этой категории редко бывали лёгкими. Обычно они приходили с тяжёлой, запущенной тоской — той, что не лечится таблетками и не разменивается на короткие подписки. Им нужна была женщина, способная за две недели стать воздухом. Стать той, кого они потеряли.

За окном офиса, на тридцатом этаже, моросил дождь. Серое небо висело низко, задевая крыши соседних башен. Света на мгновение задержала взгляд на каплях, стекающих по стеклу, и мысленно попрощалась с городом на две недели.

Беспилотник вез её за город.

В салоне пахло нагретым пластиком и чужим освежителем — хвоя с ванилью, приторная, как дешёвый сироп. Света приоткрыла окно; в щель потянуло сыростью, мокрой землёй, прелой листвой. Деревья вдоль шоссе стояли голые, чёрные на фоне затянутого тучами неба. Их ветви царапали низкие облака. Она поймала себя на мысли, что не помнит дату, да и какая разница. Через две недели всё сотрут.

Заказ она изучила ещё в офисе. Александр, тридцать семь лет, бизнес, дом за городом. Жена погибла около года назад. В карточке клиента значилось: «Эмоциональный запрос

— компенсация утраты, восстановление способности к доверию и тактильному контакту». Казённые формулировки, за которыми стояло простое и невыносимое: человек разучился чувствовать.

Дом показался из-за поворота внезапно — старый, деревянный, с высокой крышей. Сад окружал его со всех сторон: голые яблони, кусты шиповника, мокрая трава. Крыльцо скрипнуло, когда Света на него ступила. Дверь открылась раньше, чем она успела постучать.

Александр стоял на пороге и смотрел на неё колючим, оценивающим взглядом. Высокий, уже седоватый, в тёмном свитере с закатанными рукавами — одет небрежно, но дорого. Лицо человека, который давно не улыбался и не нуждался в том, чтобы это скрывать. В углу рта залегла глубокая складка.

— Ну проходите, показывайте вашу магию, — сказал он вместо приветствия.

Голос оказался ниже, чем она ожидала, и суше.

— Я не фокусник, — ответила Света и шагнула в дом.

В прихожей пахло старым деревом и едва уловимо — духами. Не женскими, нет, — скорее тем, что остаётся, когда флакон давно пуст, а запах всё ещё живёт в половицах и обоях. Никаких фотографий на стенах, никаких мелочей, которые обычно выдают присутствие женщины. Только тиканье старинных часов где-то в глубине дома и глухая, плотная тишина, как в музее.

Света сняла пальто. Александр не предложил помощь — просто стоял и смотрел. Имплант у виска молчал, переведённый в пассивный режим; он только фиксировал чистоту, не вмешиваясь, не подсказывая. Система не могла ей помочь, это был момент, когда всё решала она сама.

— Гостевая комната в конце коридора, — сказал Александр. — Располагайтесь.

Она прошла по коридору, отмечая краем глаза детали: вытертый ковёр на полу, книжный шкаф со старыми изданиями, приоткрытая дверь в кабинет. Там, на столе, стояла шкапулка — деревянная, с инкрустацией, старинная на вид. Света задержала взгляд всего на секунду, но этого хватило, чтобы внутри что-то сдвинулось — не предчувствие, нет, скорее профессиональный азарт. Ключ к клиенту почти всегда лежит на виду. Надо только знать, куда смотреть.

В гостевой комнате было светло и холодно. Она поставила сумку на стул, подошла к окну и провела ладонью по подоконнику — старое дерево, гладкое и холодное. За стеклом мокли кусты. Ветер раскачивал голую ветку яблони, и та скребла по стеклу, будто просилась внутрь. Кровать заправлена свежим бельём, на тумбочке — графин с водой и пустой стакан. Ничего лишнего.

Света села на край кровати и закрыла глаза. Вдох. Выдох. Она представила себе, как через две недели выйдет из этого дома и сядет в такси, а после лицо Александра начнёт стираться из памяти — сначала голос, потом морщинка у рта,

потом эта комната, запах лаванды и старого дерева. Корпорация делает своё дело. Так было всегда.

Она не знала, что именно этот заказ останется с ней навсегда — в обрывках, в фантомном тепле у виска, в письмах, которые она не сможет ни вспомнить, ни забыть.

...

Три с половиной года спустя маяк гудел низко, утробно — этот гул был единственным живым голосом в каменной башне. Она уже различала в этом гуле оттенки: когда смазка густела от холода, ротатор начинал поскрипывать — старый смотритель называл это шёпотом ротатора. «Маяк рассказывает истории, — говорил он, — но только тем, кто умеет слушать». Сегодня ротатор молчал, зато появилось едва заметное мерцание вентиля — значит, к вечеру придётся лезть в погреб за керосином.

Света выключила газовую плиту, на которой грелся кофе, и налила густую чёрную жидкость в кружку с треснувшим краем. Кружка досталась ей от прежнего смотрителя — старик оставил её на подоконнике вместе с запиской: «Чай из неё вкуснее». Света не стала выбрасывать. Привыкла. Теперь трещина на фаянсе казалась ей частью собственной биографии — как шрам, как память о том, чего уже не исправить.

Пар поднялся к потолку, смешался с запахом соли и сырости — вечными спутниками этого места. Она натянула рукава старого вязаного свитера пониже, согревая ладони о горячий фаянс, и подошла к столу.

На столе, слева от чернильницы, лежал конверт. Бумага пожелтела, уголки обтрепались, но строчки ещё читались — неровные, написанные мужской рукой: «Сегодня я впервые за долгое время подумал, что смогу снова дышать. Ты бы посмеялась над этим — ты всегда говорила, что я слишком серьёзен. Слишком много думаю и слишком мало чувствую. Но сегодня море было серым, как твои глаза в пасмурный день, и я вдруг понял: я дышу. Без тебя — не дышу. Может быть, это и есть то, что ты бы хотела мне сказать».

Ни подписи. Ни обращения. Света не помнила, откуда взялось это письмо. Оно появилось в её жизни три года назад, когда она, разбирая старую куртку, нашла его во внутреннем кармане — и не смогла выбросить. Иногда, просыпаясь среди ночи под вой ветра, она доставала его и перечитывала, пытаясь ухватить ускользающую нить: кто? кому? почему оно у неё? Но память молчала — только фантомное тепло у виска, словно имплант всё ещё пытался что-то подсказать.

Сегодня строчки отозвались глухо, почти никак. Света вздохнула, положила конверт на место и взяла чистый лист бумаги. Писать Алисе было единственной привычкой, которая появилась у неё после Эмпо Блэкаута — сама собой, словно кто-то вложил ей в руку перо и сказал: «Так надо».

Перо скрипнуло. Этот звук — сухой, чуть царапающий — стал для неё звуком подлинности. В мире, где всё было цифровым, где память хранилась на серверах, а эмоции измеря-

лись процентами, простой скрип пера по бумаге означал: я ещё здесь. Я существую.

Она вывела первую строчку:

«Дорогая Алиса, сегодня снова штиль. Море гладкое, как зеркало, только у скал бьётся белая пена — будто дышит. Я всё ещё не знаю, кто я без импланта. Иногда мне кажется, что я — просто набор реакций на чужие ожидания. Что вся моя личность — это то, что от меня хотели получить. Сначала компания, потом клиенты, а теперь — тишина. И я в ней растворяюсь, Алис, медленно, по капле — но растворяюсь».

Она остановилась, перечитала. Слишком мрачно. Алиса будет волноваться. Но Света не умела писать иначе — бумага требовала правды, а правда была такой: она боялась. Боялась себя и своего дара — способности влюбиться в первого встречного без контроля системы и разрушить всё: его жизнь, свою жизнь, этот хрупкий покой, который она строила три года.

«А иногда — я думаю о письме. Том самом, без адреса. Мне кажется, что оно — ключ. Что если я пойму, кто его написал, я пойму и себя. Глупость, правда?»

За окном ударил ветер, ставни дрогнули. Света подняла голову и посмотрела на фотографию Алисы, стоявшую на полке, — единственное, что связывало её с прошлой жизнью. Алиса улыбалась, держа на руках дочь. Где-то в груди шевельнулось что-то тёплое, похожее на благодарность.

Маяк вращал лучом. Свет проходил по кругу — раз за ра-

зом, раз за разом, — и каждый раз, возвращаясь, освещал край стола, конверт, чернильницу, её пальцы, сжимающие перо. Света дописала письмо, сложила его втрое и запечатала в конверт. Завтра понедельник — день, когда она спускается к почтовому ящику и отправляет Алисе очередную весточку. Она делала это уже три года и не собиралась останавливаться.

Света не знала, что завтрашний день уже не будет прежним. Не знала, что тишина, которую она так старательно строила, дала трещину — тонкую, как волос, но достаточную, чтобы сквозь неё начал сочиться свет. Море дышало и где-то на границе слышимого, за шумом волн и ветра, будущее уже набирало ход — пока ещё без лица, без имени, без голоса. Но оно было там.

И оно приближалось.

Глава 2. «Трещина»

Первые дни тянулись вязко, как мёд на морозе.

Александр держал дистанцию с упорством человека, привыкшего к одиночеству. Он выходил к завтраку в одно и то же время, спрашивал, хорошо ли ей спалось, и тут же погружался в молчание, глядя в тарелку. Света отвечала коротко, не пытаясь расшевелить. Она знала: такое молчание — не грубость, а защита. Он не закрывался от неё лично; он вообще не хотел никого впускать.

Они гуляли по саду. Дорожки, усыпанные мокрой листвой, уводили вглубь участка — туда, где за голыми яблонями прятался заброшенный розарий. Кусты роз, укрытые лапником, спали под серым небом. Александр рассказывал о них — сорта, сроки цветения, особенности обрезки, — но слова проходили сквозь Свету, не задевая. Это был не разговор, а лекция. Он говорил о розах так, как говорят о покойниках: с уважением, но без надежды.

За ужином — то же самое. Стук вилок о фарфор, редкие реплики, тишина. Старые часы на каминной полке отсчитывали секунды, и каждая капля времени падала в эту тишину с гулким эхом. Света попробовала лёгкий юмор — рассказала что-то про город, про архитектуру, про то, как глупо выглядит небоскрёб FutureSense в дождь, будто стеклянная игла, воткнутая в серое небо. Александр вежливо улыбнулся

уголком рта, но глаза остались тусклыми. Имплант фиксировал чистоту на уровне семидесяти процентов — рабочая, но не более. Для VIP-заказа это был провал.

На третий день Света задала прямой вопрос — мягко, почти небрежно, за вечерним чаем. Что-то про море, про то, любил ли он когда-нибудь смотреть на воду. Она надеялась вытянуть его на разговор, зацепиться за воспоминание, найти ту самую трещину.

Александр поднял глаза от чашки, и в них на мгновение мелькнуло что-то острое.

— Вы пытаетесь меня вскрыть, — сказал он. — Не стоит. Я не за этим вас нанял.

— А зачем? — спросила она тихо.

Он не ответил. Встал, поставил чашку на стол и вышел в сад — в темноту, под моросящий дождь. Света осталась сидеть в гостиной, слушая, как тикают часы. Имплант у виска молчал, но она и без него знала: сегодня она проиграла.

Ночью она не спала.

Дом затих. Только ветер поскрипывал ставнями да где-то наверху, под крышей, гудел одинокий сквозняк. Света лежала в темноте, глядя в потолок, и перебирала в памяти каждую реплику, каждый жест, каждый его взгляд. Где она ошиблась? Клиент закрыт, как сейф, — а она даже не знала кода.

И вдруг поняла.

Шкатулка.

Она встала босиком — бесшумно, как учили когда-то на

корпоративных тренировках по эмпатическому проникновению: сначала вес на носок, потом плавно на пятку. Половицы всё равно скрипнули — раз, другой, — и она замерла, прислушиваясь. Тишина. Где-то в глубине дома мерно тикали часы. Она двинулась дальше.

Кабинет встретил её запахом сухого дерева и старой бумаги. Лунный свет лился из окна — холодный, голубоватый, разрезающий темноту на полосы. Шкатулка стояла на столе: деревянная, с инкрустацией, лак на крышке потрескался от времени — его касались часто. Света подошла ближе. Сердце ускорило, а совесть всё громче говорила: не делай этого.

Она открыла крышку.

Внутри — десятки конвертов. Белые, желтоватые, некоторые совсем старые, с загнутыми уголками. Она взяла первый попавшийся, развернула. Почерк Александра — размашистый, с сильным нажимом на строчных буквах.

«Ты не представляешь, как я скучаю. Нет, не так — ты, наверное, представляешь. Ты всегда всё понимала раньше меня. Сегодня море было серым, почти чёрным, и я стоял на берегу, как дурак, и ждал, что ты подойдёшь сзади и скажешь: „Саша, ты опять без шапки“. А потом я вспомнил, что ты не подойдёшь. И ветер стал просто ветром».

Второе письмо:

«Я снова видел наш сон. Ты стояла на берегу и смеялась. На тебе было то синее платье — то, в котором ты пришла на нашу первую встречу. Ты говорила, что его давно пора

выбросить, но я не давал. Я храню его до сих пор. Оно висит в шкафу, и иногда я открываю дверцу и просто смотрю. Ты бы смеялась, тебя всегда веселила моя сентиментальность».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.